

УДК 82.0+821.161.3

Повседневность как код духовного кризиса советской эпохи в романе В. Гигевича «Доказ ад процілеглага»

М.М. ИОСКЕВИЧ

С помощью изображения повседневности в романе «Доказ ад процілеглага» автору удается передать сущность производственного и духовного кризисов в советском обществе 1980-х гг., в основе которых находится противопоставление культурно-исторических типов «советский человек» – «мещанин». Личное пространство героев доминирует над социальным, материальные ценности преобладают над ценностями нравственными, что подтверждает заявление о «деидеологизации советского общества» (В. Тураев).

Ключевые слова: повседневность, советская эпоха, В. Гигевич, «Доказ ад процілеглага».

The analysis of the novel «Proof of the Opposite» by V. Gigevich is given. Using the image of everyday life in the novel Proof from the Opposite, the author manages to convey the essence of the production and spiritual crises in Soviet society in the 1980s, which are based on the opposition of cultural-historical types of «Soviet man» – «philistine». The personal space of heroes dominates over the social space, material values prevail over moral values. These facts confirm the statement on «deideologization of the Soviet society» (V. Turaev).

Keywords: everyday life, Soviet epoch, V. Gigevich, «Proof of the Opposite».

Введение. 1980-е гг. являются особым периодом в истории советского государства, поскольку предшествовали распаду СССР. Они характеризуются кризисом системы управления хозяйством и последующим развалом производства, достигшим своего пика в 1990-х гг. По мнению ученых, именно в это время «антисоветские силы завоевали культурную гегемонию в среде интеллигенции, в том числе и партийной» [1]. Общество поразил духовный кризис, проявившийся в «потере веры в идеалы, стремлении к обогащению, страсти к наживе, развитию властных амбиций, наглости, равнодушия» [2].

Закономерен вопрос об авторском способе отражения кризисных явлений в художественных произведениях. Как известно, идея произведения доносится до читателя либо эксплицитно (к примеру, через точку зрения всезнающего повествователя, авторские ремарки, отступления), либо имплицитно (с помощью подтекста, который с течением времени, со сменой эпох все труднее раскрывается читателем). Как мы полагаем, имплицитный подтекст может достигаться путем кодирования культурно-исторических, социальных и политических событий через составляющие повседневности в художественном тексте.

Повседневность является сравнительно молодым понятием литературоведения, разрабатываемым в русле художественной антропологии. Интерес к повседневности возник в 1980-е гг. в рамках феноменологического поворота в ряде социально-гуманитарных наук, таких как философия, история, культурология, и обусловлен сменой научной парадигмы и переходом от изучения макроистории к исследованию микроуровней человеческого бытия. Поскольку литература является одним из способов отражения действительности, представляется актуальным поиск методологии исследования повседневности в художественном тексте, очерчивание проблемного поля, разработка инструментария ее анализа.

Как мы полагаем, повседневность в художественном тексте – это изображение регулярно повторяющихся жизненных практик персонажа (ментальных, телесных, поведенческих, вербальных) либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т. д.) в устойчивом положении фабулы, в совокупности личного и социального пространств, локализуемых в изображенном историческом времени, обусловленных ценностной ориентацией. Личное и социальное пространства составляют жизненный мир персонажа или, иначе, я-повседневность, который включает в себя также неповседневное (события, нарушающие устойчивое положение вещей в фабуле). Социальное пространство определяется обязанно-

стями перед обществом и включает в себя общественную и профессиональную деятельность. Личное пространство – это пространство остальных форм жизнедеятельности, помимо общественной и профессиональной, к которым относятся отношения с семьей и друзьями [3, с. 28].

Повседневность предстает как важнейшая составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышленной реальности, отсылающая читателя в определенное историческое время и пространство.

Цель данной статьи – доказать, что составляющие повседневности в романе «Доказ ад процілеглага» (1985 г.) белорусского писателя В. Гигевича свидетельствуют о существовании в 1980-х гг. кризисных явлений в советском обществе. В. Гигевич больше известен читателю как писатель-фантаст – этому направлению его творчества посвящены исследования В.М. Гриня [4], [5], А.В. Рудницкой [6]. Между тем, его роман, вышедший в печать за шесть лет до распада СССР, представляет собой ценный источник сведений о советской повседневности.

Основная часть. Роман посвящен одному дню из жизни сотрудников лаборатории электросхемного ремонта. Автор поочередно погружается в сознание своих персонажей, раскрывая их точки зрения и систему ценностей. Композиционно роман делится на разделы, соответствующие определенному времени суток. Утро вводит читателя в личное пространство персонажей, их семьи и жилища. Локус проживания горожан – отдельные квартиры, обстановка в которых схожа, типична: «і абстаноўка ў кватэры амаль такая ж: і той жа абязковы белы стандартны халадзільнік, без якога ніяк не абыдзешся, і такі ж белы кухонны гарнітур, дыван на сцяне, чэшская сценка ў зале, палову якой займаюць кнігі, а другую – крыштальны і фарфаравы посуд» [7, с. 272].

Как известно, в хрущёвские времена началось массовое жилищное строительство малогабаритных отдельных квартир. В 1962 г. было принято постановление, разрешающее создание жилищно-строительных кооперативов, с помощью которых граждане СССР могли строить себе кооперативное жилье, в том числе и многоквартирные жилые дома. Отдельная квартира – это способ обозначить свое личное пространство, признак благополучия. Наличие одинаковой обстановки, с одной стороны, свидетельствует о модных тенденциях, стремлению не отстать от других, а с другой стороны, быть «как все», боязнь проявить индивидуальность, что является одним из проявлений советского уравнилельного принципа. В экономическом плане это отражает и недостаток потребительских товаров, когда граждане были вынуждены не выбирать предметы обихода, а покупать «что дают».

Между тем, отдельные квартиры способствовали развитию индивидуализма в противоположность коллективизму, «который максимально адекватен самим основам коммунистического общества» [8]. Отдельные квартиры, таким образом, выступают символом людской разобщенности: «шматлікія людзі <...> гэтыя як два сусветы, якія меж сабой і не сутыкаюцца, хоць і існуюць у адной прасторы» [7, с. 342].

Утренние практики героев традиционны – гимнастика, завтрак. Гимнастика выполняется Эммой Михайловной по системе йогов, правила которой принесла подруга на листках папиросной бумаги, написанных под копирку, что свидетельствует о востребованности подобного материала. Эмме Михайловне сорок лет, и она всеми силами пытается сохранить молодость и красоту. Подобные «материалы» приносит на работу и Роман Борисович Алмазов. Он дает их читать сослуживцам «под секретом», потому что информация, содержащаяся в них, псевдонаучна и не одобряется в плане распространения. Любопытны воспоминания Т. Воеводиной, которая утверждает, что те годы «даже погода вспоминается серая. В магазинах – ничего особо интересного, на работе – переливание из пустого в порожнее, малейшая инициатива пресекается, все интересное запрещается, даже такая безобидная чепуха, как йога или астрология» [9].

На работе герои обсуждают темы, которые не связаны с производством. Ремонт оборудования превращается в автоматическую практику, не требующую пристального внимания, поэтому людям интересно совсем другое: летающие тарелки, сны, пророчества, наскальные рисунки, тайный смысл волшебных сказок и библейских легенд: «гэтыя казкі – успаміны людзей пра прылёт іншапланецян. <...> ступа – ракета, мятла – вогненны шлейф. Ды і тое ж

уваскрашэнне Хрыста – не што іншае, як адлёт на сваю далёкую, нам невядомую радзіму» [7, с. 307]. Как известно, именно в переломные эпохи обостряется интерес к оккультным наукам, социальные кризисы способствуют росту оккультного знания. В переломные эпохи, когда общий кризис сопровождается духовным кризисом, происходит оживление оккультизма, отход от рационального к иррациональному. Возрождается вера в колдунов, хиромантов, астрологические прогнозы, спиритизм [10].

Духовный кризис советского общества выражается и в утрате семейных ценностей. Эмма Михайловна была дважды замужем, одна растит сына Сережу. Виталий боится попасть в ловушку брака, который лишит его свободы. Подруга Эммы Михайловны Мальвина наслаждается «студенческой» жизнью, переложив все бытовые обязанности на родителей-пенсионеров. Собака-болонка заменяет Мальвине детей. Сережа также страстно мечтает о собаке – овчарке, которая, как ему кажется, сможет компенсировать отсутствие отца. Газеты пестрят объявлениями о знакомствах, в которых на первый план выходит желание устроить свою судьбу материально. Виталий вспоминает интервью в «Литературной газете», в котором женщина «хвалілася набытым вопытам: каторы год жыла сама по сабе, а яе абраннік жыў таксама сам па сабе, сустракаліся яны пару разоў на тыдні, разам нават ездзілі адпачываць і былі, як пісала жанчына, шчаслівыя» [7, с. 294]. Дочь Романа Борисовича легко заводит знакомства с мужчинами, причем ни она, ни родители не видят в этом ничего дурного – всего лишь способ выбрать достойного претендента и выйти замуж.

Утрата семейных ценностей в какой-то степени связана с гендерным равноправием, с появлением у женщины иных социальных ролей, помимо семейных – матери и жены: «сучасная жанчына не хоча і нават не ўяўляе сябе шчасліваю ў сям'і, на той жа кухні, каля дзяцей, не, ёй трэба іншае, тое, чаго ім давалася паспытаць і ад чаго іх ужо ніяк не адарвеш: слава, пачуццё ўлады... Яны ўжо развучыліся быць жанчынамі, і таму няма чаго здзіўляцца з тых шматлікіх разводаў» [7, с. 294].

Основной конфликт романа – конфликт мировоззренческий, ценностный. Для Романа Борисовича и Виталия основной ценностью является спокойная жизнь, личный комфорт. По отношению ко всем жизненным проблемам они научились задавать вопрос: «а ці трэба?», не принимать близко к сердцу производственные моменты, выкидывать их из головы, закрыв дверь лаборатории: «А тое, што бывае на рабоце, тыя вечныя спрэчкі з Разорчыкам, не павінна хваляваць, яно павінна быць такім, каб пасля работы ты мог адразу забыць, выкінуць з памяці ўсё тое, табе непатрэбнае, з-за чаго другіх трасе і калоціць... А калі ўспамінаць – то толькі – з усмешкаю, як пра нешта чужое і далёкае. І ўсё гэта – вялікае майстэрства, не кожнаму ўдаецца так жыць, але Раману Барысавічу пакуль удаецца...» [7, с. 402].

Без зазрения совести Роман Борисович выносит из лаборатории детали, которые пригодятся ему для частного ремонта в свободное от работы время. Подобные люди получили название «несуны» и существовали буквально во всех сферах производства: «Воровали ВСЁ. Крали те, кто товар производил, и те, кто охранял, и те, кто распределял и продавал. Классик позднесоветской сатиры сформулировал четко: что охраняешь – то имеешь. Воровалиpromтовары, мануфактуру, стройматериалы, инструменты, бумагу, скрепки, шпалы и клавиши для роялей. Стройматериалы и сантехнику воровали просто вагонами и составами (а дома рушились оттого, что цемент украден)... Хозяйственники и администрация воровали даже моющие средства и веники. Воровали даже то, что не нужно – складывали в сараях» [11]. Практика «несунства» становится регулярной, даже нравственно оправданной практикой в советскую эпоху, способствуя духовному разложению общества.

Подобные незаконные практики советской повседневности – «халтуры» (побочный, лёгкий заработок сверх основного) дают герою возможность быть в тесном контакте с нужными людьми, являются способом наладить «блат», который для советского человека представляется даже большей ценностью, чем материальные блага – широко известно выражение «блат сильнее Совнаркома».

Противоположную точку зрения имеет начальник лаборатории Андрей Разорчик. Разорчик – уроженец деревни, с детства впитавший крестьянские ценности как основополагающие:

«у ім заўсёды высокай сцяною стаяла трэба, тое даўняе трэба, якое вынес з маленства. Трэба дзяліцца кавалкам хлеба, трэба памагаць чалавеку ў бядзе, трэба быць чалавекам... А вось зараз гэтае трэба не тое што знікла, а неяк размылася, згубіла той даўні сэнс» [7, с. 409].

Как известно, основой советского социального мифа, его мировоззренческой основой был «общинный крестьянский коммунизм» [1], признававший минимум потребностей, обладавший способностью «видеть высший смысл во всех проявлениях Природы и человеческих отношениях» [1]. Разорчик воплощает культурно-исторический тип «советский человек», характеризующийся идеалистическими, жертвенными ценностями. Данному типу противопоставлен культурно-исторический тип, который может быть с оговорками назван «мещанином». В основе данного типа лежит стремление «устроить жизнь любыми средствами, приспособиться к обстановке и найти пути к успеху по службе и личному процветанию» [12]. «Суть философии мещанства – “самодержавие собственности”» [1]. Как полагают исследователи, «эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило в СССР на 4–5 поколений» [1]. В послевоенный период мещанские материальные ценности начинают преобладать и «к 1970-м гг. мещанство сумело добиться культурной гегемонии над большей частью городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии» [1]. В романе «мещанство» олицетворяет Роман Борисович: «маючы сініцу у руцэ, ні ў якім разе не трэба рвацца за жураўлём у небе, бо тады, як толькі пачнеш рвацца, не тое што сініцу з рук выпусціш, а і адразу ж наклічаш на сваю галаву тыя невядомыя незнанья беды, якіх ты ніколі не ведаў, пра якія ты і не чуў ніколі. <...> І здаецца Раману Барысавічу, што ягонае цяперашняе жыццё – гэта найлепшы вырыянт з усіх шматлікіх варыянтаў. І таму нечага лішне ламаць галаву» [7, с. 403].

Разорчик переживает личностный кризис, он чувствует, что общечеловеческая система ценностей отступает перед всеобщей жадой материальных благ, ростом индивидуализма: «здаецца, ніколі дагэтуль людзі так добра не жылі, ніколі дагэтуль яны столькі добра не мелі і між тым жа – ніколі, дагэтуль, мусіць, столькі не бурчалі. Што ж ты хочаш, кавы растварымай няма пад рукою, не хапіла – каравул, сусветная трагедыя, у ААН заяву гатовы катаць» [7, с. 327].

Между тем, нельзя не признать тот факт, что вечная нехватка потребительских товаров, будучи неотъемлемой чертой советской повседневности, угнетала население, в результате чего «Запад стал идеальной, сказочной страной», предоставляющей потребительство в качестве утешения: «Все надо было доставать. А «доставать» означает: кроме того труда, который ты потратил на получение денег, ты должен потратить дополнительный труд: на «сувениры» и разные формы подношений, на заведение и поддержание связей, на езду к черту на кулички и стояние в очередях – вот тогда, с этим дополнительным трудом, ты что-то займешь. Так что все цены были нереальны, а реальный размер вложенного в приобретенную вещь труда был гораздо больше» [13, с. 270]. Магазины полны очередей, в которых «так лёгка сапсаваць настрой»: «“Ладна, не хапіла на маю долю двухрублёвай калбасы, вазьму курыцу. Хоць і дарагавата, затое на два разы раздзеліцца”, – шэпча сабе Эма Міхайлаўна. – Хлеб ёсць, малако таксама”. Вось і чарга ў касу. Адала пяцерку – амаль увесь дзённы заробак» [7, с. 331]. Это – регулярные практики повседневности основной массы советских граждан, тогда как у партийной номенклатуры совсем иная повседневность.

Эмма Михайловна вспоминает свое детство, в котором была служебная машина отца, занятия на пианино, гости, подарки, лучшая одежда. Девочка старалась держаться в стороне от бедно одетых детей, жизнь которых ей представлялась bestолковой и неправильной. Когда в 1956 г. отца сняли с работы, повседневность семьи кардинально поменялась. Исчезла служебная машина, частые гости, усмешка отца: «Быццам у *другім свеце* (курсив наш. – М.И.) апынуўся, дзе не было службовых машын, без мяккага ветлівага “можна да вас запісацца?”, а былі магазінныя чэргі з гэтым беспардонным “ну, ты куды прэшся, вочы разуй...”, пастаянная гнятлівая цішыня ў кватэры і яшчэ многае іншае, што заўсёды паяўляецца, калі нечакана аказваецца, што не хапае грошай на самае неабходнае...» [7, с. 337]. Другой свет – это, по сути, «мир мертвых», мир, в котором живет большая часть населения страны. «Жизнь» доступна только для руководящей верхушки общества. Оторванность партийной

номенклатуры от народа, существование спецобслуживания и спецпитания нивелируют идеи о справедливом обществе, о равных возможностях. Социальный миф о советском обществе как идеальном терпит крах, опровергается реальной повседневностью.

Разорчику сложно отстаивать свою точку зрения перед коллегами, не найдя достойной аргументации. Он «чужой» для своих сослуживцев, которые в его приверженности принципам видят «твердолобость», «казарменные» замашки: «Разорчык адчувае сябе, як у цёмным густым лесе, з якога не ведае як выбрацца і ў якім – ніводнай сцежкі-дарожкі... Як быццам ідзе ён па тым глухім лесе, а дзесьці там, за соснамі і калматымі елкамі, выбраўшыся з гэтага буралому, стаяць яго спакойныя разумныя дзеці, стаяць Віталя, Алмазаў, Эма Міхайлаўна, і ўсе яны, то па адным, а то – хорам крычаць, патрабуць ад яго: “А хто даў цябе права на гэтае тваё трэба? Скажы нам – хто? Адкуль ты такі ўзяўся? Няўжо табе болей за ўсіх нас трэба, няўжо ты болей за ўсіх нас ведаеш?”» [7, с. 410]. Потеря веры в идеалы, равнодушие, эгоизм, циничность, пришедшие на смену духовным ценностям, разъедают души советских людей, заявляют о наличии нравственной проблемы в советском обществе.

Действительно, Разорчику свойственен авторитарный стиль общения как с подчиненными, так и в собственной семье. Разорчик воплощает тип руководителя, оперирующего прежними методами административного управления, которые на данном историческом этапе перестают функционировать: «Руководство КПСС после идейных и административных метаний Хрущева приняло вынужденное решение – “заморозить” мировоззренческий кризис посредством отступления к “псевдосталинизму” с некоторым закручиванием гаек (“период Сулова”). Это давало отсрочку, но не могло разрешить фундаментальное противоречие» [1]. По мнению сослуживцев, такие, как Разорчик, «страшные людзі. А яшчэ калі ім даць уладу...» [7, с. 314], «Ён і цяпер, дай яму ўладу, з лабараторыі гатовы казарму зрабіць» [1, с. 326].

Противостояние мнений Разорчика точке зрения коллег отражает реальное нарастание критического отношения к политическому руководству: «По мере того как снижался интеллектуальный уровень руководителей, падал и авторитет власти, антиноменклатурные настроения росли даже внутри правящего класса» [14, с. 10]. В самом деле, Разорчик «за пяць год студэнцтва прачытаў усяго некалькі мастацкіх кніг» [7, с. 345]. Он одинок в своем стремлении жить производственными вопросами, тогда как все остальные персонажи на первое место ставят личное пространство, а не социальное.

Разорчик «чужой» не только для коллег, но и для собственных детей, которые устали от его замечаний и придинок, ведь все его воспитание сводится к запрету развлечений и принуждению к учебе. В романе очевиден конфликт поколений, который трансформируется в конфликт культурный. Выросло поколение, которое не испытало лишений войны, трудностей тяжелого послевоенного периода. Молодежь инфантильна, все усилия родителей направлены на обеспечение комфортной жизни детей: «Можа, хай усё будзе так, каб ім было лягчэй пражыць. Хоць як, абы ім было потым лягчэй жыць» [7, с. 408]. Молодежь стремится в город получить образование, затем остается там жить: «две трети населения СССР жили к этому времени в городах, а почти треть работников занималась преимущественно умственным трудом. При этом 57 % населения страны в 1987 г. составляли молодые люди в возрасте до 35 лет» [цит по: 14, с. 10]. Между тем, как полагает В.А. Тураев, «молодежь, впитывая с образованием западные ценности, отрицала культуру старшего поколения» [14, с. 11]. Это были «сытые», лишённые страха поколения, не только не пережившие в своей сознательной жизни различных трудностей, но даже не верившие, что таковые могут существовать» [14, с. 9]. Любопытно следующее утверждение: «избыточная надежность социального уклада породила скуку значительной части населения, особенно молодежи. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей человека – потребность в приключении» [1]. В романе это замечает жена Разорчика Люда: «Дзеці яшчэ, што ад іх хацець? Успомні, што мы вытваралі, як малымі былі. Ім жа хочацца чагосьці незвычайнага. Нейкай таямнічасці ці што...» [7, с. 436]. По мнению Люды, только время способно все расставить по своим местам, сгладить различия поколений.

Заключение. Повседневность в романе В. Гигевича «Доказ ад процілеглага» носит семиотический характер, нуждается в декодировании проницательным читателем. С помощью ее изображения автору удается передать сущность производственного и духовного кризисов в советском обществе 1980-х гг., в основе которых находится противопоставление культурно-исторических типов «советский человек» – «мещанин», причем «мещанин» занимает лидирующую позицию. Личное пространство героев доминирует над социальным, материальные ценности преобладают над ценностями нравственными, что подтверждает заявление о «деидеологизации советского общества» (В.А. Тураев), ослаблении мировоззренческой основы советского строя. Безусловно, автор не предвидел скорого краха СССР. Однако декодирование повседневности в романе подтверждает существование кризисных явлений, которые в скором времени приведут к государственной катастрофе.

Литература

1. Кара-Мурза, С.Г. Кризис мировоззрения 1970–1980-х годов / С.Г. Кара-Мурза // Причины краха советского строя [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://librolife.ru/g4184431>. – Дата доступа : 26.08.2018.
2. Духовный кризис в мировоззрении советских людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studwood.ru/1254281/.../duhovnyy_krizis_v_mirovozzrenii_sovetskih_lyudey. – Дата доступа : 26.08.2018.
3. Иоскевич, М.М. Повседневность в художественном тексте как разрушение социального мифа (на материале романа Т. Гартного «Сокі цаліны») / М.М. Иоскевич // Literature, language and culture influenced by globalization: monograph. / N.G. Bondarenko, T.A. Shebzuhova, A.A. Vartumyan [and others] ; ed. By L. Shlossman. – Vienna: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, 2017. – Volume 11. – P. 22–38.
4. Грынь, В.М. «Урокі жыцця» ў фантастыцы Васіля Гігевіча / В.М. Грынь // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. ст. / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – 2011. – Вып. 4. – С. 42–46.
5. Грынь, В.М. Праблематыка аповесці В. Гігевіча «Карабель» / В.М. Грынь // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. ст. / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – 2012. – Вып. 5. – С. 26–31.
6. Рудніцкая, А.В. Верыфікацыя ідэі вартасці тэхнічнага прагрэсу ў сучаснай беларускай прозе / А.В. Рудніцкая // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. ст. / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины». – 2017. – Вып. 10. – С. 55–61.
7. Гігевіч, В. Карабель: аповесці, раман / В. Гігевіч. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 462 с.
8. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев. – Режим доступа : www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-kommunism.pdf. – Дата доступа : 29.08.2018.
9. Воеводина, Т. Чего «совкам» в «совке» не хватало? / Т. Воеводина // Литературная газета: еженедельная газета. – 2015. – № 33 (26 авг.). – С. 3.
10. Матвеева, А.И. Философия: учеб. пособие [Электронный ресурс] / А.И. Матвеева. – 2018. – Режим доступа : <https://books.google.by/books?isbn=5040979274>. – Дата доступа : 01.08.2018.
11. Старохамская, К.Ю. Кто такие несунуны? Деформация этики. Сокол-Кружкин против буреветника революции / К.Ю. Старохамская // Школа жизни.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shkolazhizni.ru>. – Дата доступа : 26.08.2018.
12. Мещанство // Энциклопедический словарь «Слово о человеке» [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://www.slovochel.ru/meshanstvo.htm>. – Дата доступа : 19.08.2018.
13. Веллер, М. Долина идолов / М. Веллер. – СПб., 2003. – 542 с.
14. Тураев, В.А. Кризис советской идентичности и распад СССР / В.А. Тураев // Россия и АТР. – 2015. – С. 5–17.